

УДК 801-5
ББК 81.02
Т-91

Тутаришева Марзьят Каспотовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка АГУ;

Тутаришева Мариат Каспотовна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник АРИГИ, доцент кафедры адыгейской филологии АГУ; т.:89604996582.

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ СОБИРАТЕЛЬНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И СПОСОБАХ ИХ ОБРАЗОВАНИЯ

(на материале разноструктурных языков)

(рецензирована)

В статье рассматриваются в сравнительно-типологическом аспекте разные точки зрения на категориальную сущность собирательных имен существительных, приводятся их семантические группы и способы образования в таких разноструктурных языках, как русский и адыгейский.

Ключевые слова: категориальная сущность собирательности, собирательные имена, основосложение, редуцированные слова, аффиксация, парные слова, грамматическая форма.

Tutarisheva Marzieht Kaspotovna, Candidate of Philology, associate professor of the Department of Russian language of ASU ;

Tutarisheva Mariat Kaspotovna, Candidate of Philology, senior researcher of ARIHR, associate professor of the Department of Adyghean Philology of ASU, tel.: 89604996582.

ON THE CATEGORICAL ESSENCE OF COLLECTIVE NOUNS AND METHODS OF THEIR FORMATION

(based on languages of different structures)

(reviewed)

The article deals with a comparative and typological aspect of the different points of view on the categorical nature of collective nouns, their semantic groups and methods of their formation in languages of different structures such as Russian and Adyghean have been given.

Keywords: categorical nature, collective names, stem-joining, reduplicated words, affixation, paired words, grammatical form.

Проблемы, связанные с грамматическим статусом собирательных имен существительных, являются одним из сложных и многоаспектных вопросов изучения языка.

Как известно, семантические категории существительных универсальны, так как они отражают явления объективной действительности, поэтому почти во всех языках мира категория собирательности представляет собой понятийную категорию, которая выражает некоторое множество как целостной, нечленимой совокупности однородных предметов. Это собирательные имена существительные: русск. профессура, тряпье, листва, мошкара; адыг. хьэкIэ-къуакIэхэр «зверье, звери», Iэмэ-псымэхэр «орудия труда», пкIэхьэ-мышьхьэхэр «фрукты»; англ. foliage «листва», poultry «домашняя птица: гуси, утки, куры» и др.

Как отмечается в специальной литературе, различие между дистрибутивным и собирательным множеством заключается в том, что собирательное имя обозначает определенное, законченное множество, а дистрибутивное обозначает неопределенное, незавершенное множество.

По словам А.А. Реформатского, «с точки зрения соотношения языка и мышления – это один из самых загадочных парадоксов: как же множественное передается через единственное?» [1, с. 394]. Эта противоречивая «природа собирательных понятий объясняет тот факт, что существительному с лексическим или грамматическим собирательным значением свойственна противоречивая грамматическая природа» [2, с.

Наличие таких существительных в языках, независимо от типологических различий, объясняется «некоторыми общими свойствами человеческого мышления, а именно наличием собирательных понятий, являющихся одной из разновидностей понятия как формы мышления» [3, с. 317-318]. Поэтому вопросы, связанные с категорией собирательности, всегда представляли и представляют один из важных участков не только частной, но и общей теории языка. При этом особое место занимают аспекты, отражающие категориальную сущность и объем понятия собирательности, средств выражения в разных языках, отношение данной группы существительных к категории числа.

Собирательные имена существительные достаточно глубоко изучены в русском языке, поэтому они получили более полное освещение в специальной литературе. Однако многие стороны данной проблемы остаются в русском языке не вполне выясненными и носят дискуссионный характер, поэтому они не получили однозначного решения в специальной литературе. Например, до сих пор не существует единого мнения даже по вопросу о составе категории собирательности.

В лингвистической литературе высказываются различные точки зрения по вопросу о том, входят ли в данную категорию слов только имена, лишённые формы мн.ч. (типа *крестьянство, зверье, тряпье*), или включаются в данную группу и существительные, обладающие полной числовой парадигмой (типа *группа – группы*).

Традиционный подход, который наблюдается как в учебных пособиях, так и в научных исследованиях по разным языкам, определяет собирательные имена существительные как один из лексико-грамматических разрядов существительных, т.е. слова, которые, с одной стороны, выражают множество, не распадающееся в представлении носителей данного языка на дискретные единицы, с другой стороны, собирательные понятия множества представляют собой совокупность предметов, обладающих общим сходством, характерным для всех.

Итак, категориальное значение понятия собирательности обозначает конкретное множество, совокупность однородных (типа *лства*) и неоднородных (типа *домашняя птица*) предметов, вещей, животных, лиц как неделимое целое. При этом значение собирательности объясняется, включая их в один ряд с взаимообусловленными значениями ед. и мн. ч., в результате которого получается треугольник: *зверь – звери – зверье*. С учетом этого большинство лингвистов считают критерием выделения собирательных существительных наличие только одной из форм числа: в большей части – ед.ч. (*крестьянство*), частично – мн.ч. (*сливки, опилки*). Исходя из этого, считается, что от собирательных существительных нужно строго отграничивать такие слова, как: русск. *стая, группа, табун*; адыг. *куп, корт* «группа», англ. *herd (of cattle)* «стадо скота», *pack (of wolves)* «стая волков». Их нельзя отнести к собирательным именам в силу того, что, в отличие от собирательных существительных, они: 1) свободно образуют форму мн.ч.: *куча – кучи, группа – группы*; 2) могут без ограничений определяться неопределёнными словами, дробными и количественными числительными: *три полка, две группы*. Согласно этой точке зрения, такие слова как с лексической, так и с грамматической точки зрения не могут быть отнесены к собирательным именам существительным, так как они обозначают определенную единицу, обособленную, выделенную часть чего-то. Собирательные же существительные не имеют значения «части». С грамматической стороны слова указанного типа отличаются от собирательных существительных самым главным и самым существенным признаком – наличием множественного числа: *стадо – стада, полк – полки* и др. Поэтому многими лингвистами не включаются в состав собирательных существительных слова указанного типа.

Другие языковеды полагают, что к собирательным можно отнести и такие имена, обозначающие нерасчлененное множество, совокупность вещественных предметов, лиц, животных и др., которые обладают полной числовой парадигмой, т.е. могут иметь формы как мн.ч., так и ед.ч. (типа: *толпа – толпы, группа – группы, стадо – стада*).

Из всего этого вытекает, что объем понятия собирательности в работах разных лингвистов заметно варьирует.

Вопрос о собирательных именах существительных в адыгейском языке не подвергался специальному исследованию, хотя в отдельных работах даются некоторые сведения об особенностях употребления форм числа определенной группы существительных (типа *чылэ* букв.: «аул», но в роли синекдохического переноса это слово имеет собирательное значение: «жители аула», «аульчане») и *к1элэ-гьуалэхэр* «молодежь» (в значении: молодые и прочие, подобные им) и др. [4, с. 63-64].

На наш взгляд, к собирательным именам существительным в адыгейском языке можно отнести редуцированные слова, образованные удвоением основы или части слова (*хьакъу-шыкъухэр* «посуда»), и парные слова, которые являются результатом сложения двух совершенно разных слов: *шъуз-к1алэхэр* «семья», букв.: жена-дети, *хьэджэ-эфэндхэр* «ходжа-эфенди» и др.

Несмотря на разную степень изученности, существительные данной группы обнаруживают некоторые общие черты и различия в таких разнотипных языках, как русский и адыгейский. Можно отметить следующие общие черты:

1. В рассматриваемых языках под собирательными именами существительными традиционно понимаются слова, выражающие целостно воспринимаемые, совокупные множества лиц, животных, предметов и явлений действительности, имеющие общие признаки, но различающиеся чем-то [5, с. 42]. У данной группы существительных, с одной стороны, значение «совокупности множества» преобладает над значением отдельно составляющих предметов, с другой стороны, понятие множества представляет собой совокупность предметов, обладающих общим свойством, характерным для всех. Итак, с логической точки зрения собирательная категория совмещает в себе черты единичных и общих понятий. В языке это находит отражение в том, что данная категория связывается, с одной стороны, с грамматической категорией числа, а с другой – с лексической категорией массы недискретного множества [6, с. 473].

2. В зависимости от семантики среди собирательных имен существительных в рассматриваемых языках можно отметить одинаковые лексико-семантические группы, обозначающие:

а) совокупность лиц, объединенных по социально-политическому положению, занимаемой должности, титулу, родственными отношениям: русск. *крестьянство, профессура*; адыг. *пцы-оркъхэр* «князья-орки», *хьэджэ-эфэндхэр* «ходжа-эфенди»; англ. *soldiery* «солдатня», *peasantry* «крестьянство» и др.;

б) совокупность представителей животного и растительного мира: русск. *зверье, листва, березняк*; адыг. *хьэк1э-къуак1эхэр* «зверье», *пхьэшхьэ-мышхьэхэр* «фрукты»; англ. *poultry* «домашняя птица: гуси, утки, куры»; *foliage* «листва»;

в) совокупность вещей, предметов быта, посуды, орудий труда и др.: русск. *тряпье, мебель, посуда*; адыг. *хьакъу-шыкъухэр* «посуда», *хьажь-быжхэр* «тряпье»; англ. *furniture* «мебель»;

г) совокупность лиц, объединенных по возрастным особенностям: русск. *молодежь*; адыг. *к1элэ-гьуалэхэр* «молодежь» (букв.: парни, ребята и прочие, подобные им); англ. *youth* «молодежь».

3. В рассматриваемых языках данные группы слов не способны сочетаться с количественными числительными и другими словами, обозначающими конкретное число, так как собирательные существительные представляют собой совокупность считаемых объектов как сплошную нечленимую массу.

4. Общим признаком для этой категории слов в русском и адыгейском языках является и то, что они в рассматриваемых языках не подпадают под обычное грамматикализованное противопоставление ед.ч. – мн.ч., на котором основывается категория числа. Этим можно их противопоставлять расчлененной множественности предметов, выражаемой в языке грамматической оппозицией ед. ч. – мн. ч.

Наряду с такими общими признаками, у собирательных существительных прослеживаются и некоторые особенности в каждом языке. В частности, расхождения наблюдаются как в объеме и способах выражения понятийной категории собирательности, так и в формах употребления числа [7].

Понятие собирательности может быть выражено в языках разной системы по-разному. Например, в русском языке значение собирательности может быть выражено:

- 1) аффиксацией (продуктивными и непродуктивными суффиксами собирательного значения): *студенчество, березняк, тряпье, листва*;
- 2) безаффиксным способом: *зелень, ветошь*;
- 3) лексически (производными и непроизводными существительными с суффиксами несобирательного значения): *одежда, мебель, посуда*;
- 4) синтаксически (местоимением *все*): *все живое, все прекрасное*.

Между языками абхазо-адыгской группы наблюдаются некоторые расхождения в способах образования собирательных имен существительных. В абхазском и абазинском языках, в которых различаются класс человека и класс вещей, собирательные существительные принимают специальные аффиксы: существительные класса вещей, обозначающие названия птенцов, детенышей, в абхазском языке принимают суффикс *-ра*: *сыс* «ягненок», *аса-ра* «ягнята»; в абазинском – *раа*: *аса-раа* «ягнята» [8, с. 130, 109].

Адыгские языки не располагают специальными аффиксами – показателями собирательности. Как сказано выше, в них используется основосложение с редупликацией части основы, которые называются «редуплицированными словами» (*ллыжь-ныоьжьхэр* «пожилые», букв. старик-старухи) и сложение разных основ без редупликации, которые называются «парными словами» (*щэ-гынхэр* «боеприпасы» букв.: пуля-дробь), *шьуз-кIалэхэр* «семья», букв.: жена-дети). Эти слова воспринимаются как слова со значением совокупности кого(чего-)либо. Образованы они одним из древнейших способов словообразования в адыгских языках [9, с. 65]. Данная группа существительных, как и в русском языке, не подвергается обычному противопоставлению форм и значений ед. ч. и мн. ч.

Этот способ передачи значения собирательности, неопределенной или конкретной множественности, интенсивности используется многими языками мира. Так, он используется как морфологическое средство для выражения собирательной или расчлененной множественности, обобщенности в тувинском [10, с. 39], маньчжурском [11, с. 101], абхазском [12, с. 135], грузинском [13, с. 316], нивхском [14, с. 61].

В редуплицированных словах с собирательным значением один или оба компонента слова могут быть с этимологически затемненным или вовсе неясным значением, но вместе они передают одно понятие. В таких случаях эти слова буквально не переводятся, а переводится общее значение одним словом или описательным путем: *хьакъу-шькъухэр* «посуда», *хьап-щыпхэр* «тряпье», *хьэкIэ-къуакIэхэр* «зверье», «звери» и др. Второй компонент часто бывает словом-отзвуком.

Итак, обозначение собирательными именами совокупности однородных, похожих чем-то предметов, вещей, лиц, но наличие различия между составляющими множество элементами, невозможность образования корреляции ед.ч.- мн.ч., а также сочетания редуплицированных и парных слов с количественными числительными и другими словами, обозначающими конкретное число, – все это дает основание причислять данную группу слов адыгейского языка к собирательным именам существительным.

Все перечисленные выше признаки сближают собирательные имена существительные в русском и адыгейском языках.

Литература:

1. Реформатский А.А. Число и грамматика // Вопросы грамматики: сб. ст. к 75-летию акад. И. И. Мещанинова. М.; Л.: АН СССР, 1960. С. 372 – 400.
2. Панфилов В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М.: Наука, 1982. 357 с.
3. Там же. С. 317-318.
4. Кумахов М. А. Словоизменение адыгских языков. М.: Наука, 1971. 338 с.
5. Дегтярев В.И. Категория числа в славянских языках (историко-семантические исследования). Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1982. 319 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. 1990. 685 с.

7. Тутаришева Марзьят К., Тутаришева Мариат К. Собирательные имена существительные и грамматическая категория числа (на материале разноструктурных языков) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2012. Вып. 3. С. 56-60.

8. Ломтатидзе К.В.: 1) Абхазский язык // Языки народов СССР. В 5 т. Т. 4. Иберийско-кавказские языки. М.: Наука, 1967. 712 с. ; 2) Абазинский язык // Там же.

9. Берсиров Б.М. Удвоение глагольных основ в адыгейском языке // Адыгейская филология. 1989. Вып. 3. С. 65-78.

10. Сат Ш.Ч. Тувинский язык // Языки народов СССР. В 5 т. Т. 2. 1966. С. 387-402.

11. Лебедева Е.П. Редуцированные и парные слова в маньчжурском языке // Вопросы языкознания. 1974. №2. С. 96-102.

12. Ломтатидзе К.В. О функции редукации в абхазском языке // Известия Института языка, истории, материальной культуры. 1940. Т. 5. С. 115-135.

13. Саникидзе Л.К. Удвоение в грузинском языке // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Тбилиси: Мецниереба, 1976. Вып.3. С. 80-84.

14. Панфилов В.З. Грамматическое число в нивхском языке // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 2. С.46-61.

References:

1. *Reformatsky A.A. Number and grammar // Questions of grammar: coll. of articles for the 75th anniversary of academician I.I. Meshchaninov. M.; L.: the USSR Academy of Sciences, 1960. P. 372 - 400.*

2. *Panfilov V.Z. Epistemological aspects of the philosophical problems of linguistics. M: Nauka, 1982 . 357 p.*

3. *The same. P. 317-318.*

4. *Kumakhov M.A. Inflection of the Circassian languages. M.: Nauka, 1971. 338 p.*

5. *Degtyarev V.I. The number category in the Slavic languages (historical and semantic research). Rostov n / D: Publishing House of the RSU, 1982. 319 p.*

6. *Linguistic Encyclopedic Dictionary. M.: Soviet Encyclopedia. 1990. 685 p.*

7. *Tutarisheva Marzieht K., Tutarisheva Mariat K. The collective nouns and grammatical category of number (based on languages of different structures) // Bulletin of Maikop State Technological University. 2012. Issue. 3. P.56-60.*

8. *Lomtadidze K. V.: 1) The Abkhazian language // Languages of the USSR. In 5 vol.. V.4: Iberic - Caucasian languages. M.: Nauka, 1967. 712 p.; 2) The Abaza language // Languages of the Peoples of the USSR. V.4: Iberic - Caucasian languages.*

9. *Bersirov B. M. Doubling the verb stems in the Adygh language // The Adygh philology .1989. Vol. 3. P.65-78.*

10. *Sat Sh.Ch. The Tuvian language // Languages of the Peoples of the USSR. V. 2. 1966. P. 387-402.*

11. *Lebedeva E.P. Reduplicated and paired words in the Manchu language // Problems of Linguistics, 1974. №2. P. 96-102.*

12. *Lomtadidze K. V. On the function of replication in the Abkhaz language // Pro-ceedings of the Institute of Language, history, and material culture. 1940. V.5. P. 115-135.*

13. *Sanikidze L.K. Doubling in the Georgian language // Annual of Iberic - Caucasian linguistics . Tbilisi: Metsniereba, 1976. V. 3. P. 80-84.*

14. *Panfilov V. Z. Grammatical number in the Nivkh language // Reports of the Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR. M.; L.: AS the USSR, 1958. V. 2. P.46-61.*